

стерты, территория либо застроена зданиями, либо превращена в прогулочные места. Как свидетельствуют материалы археологических исследований и данные письменных источников «застройка старых кладбищ по мере расширения селитебной территории, как и появление некрополей на заброшенных поселениях, это диалектика жизни и исторического процесса» [4, с. 89]. Выявление и исследование этих, на сегодняшний день неизвестных нам, некрополей еще предстоит.

Список использованной литературы

1. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск: Б. и., 2008. – 114 с.
2. Описание Тобольского наместничества. – Новосибирск: Наука, 1982. – 321 с.
3. Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. – М.: Радуница, 2004. – 180 с.
4. Черная М. П. Методико-источниковедческие подходы к решению проблемы локализации исторических объектов // Вестник Томского государственного университета. История. – Томск, 2013. - № 3 (23). – С 81-90.

© П.Г. Данилов, 2014

УДК 902.01

Е.П. Загваздин

Научный сотрудник

НПО «Сохранение археологического наследия народов Сибири»

Г. Тобольск, Российская Федерация

ОБ ОДНОМ ФАКТОРЕ, СВЯЗАННОМ С ПОВРЕЖДЕНИЕМ ПОГРЕБЕНИЙ

Вопросы, связанные с повреждением погребений стали интересовать археологов России еще в конце XIX в. В 1881 г. на V археологическом съезде в Тифлисе состоялась острая дискуссия в попытке объяснения и интерпретации погребений катакомбной культуры с нарушенной анатомической целостностью костяка. К сожалению, дальнейшего развития эта проблема не получила.

Возрождение интереса к этому сложному и неоднозначному явлению проявилось сравнительно недавно. Однако, обобщающих работ, касающихся вопросов методики исследования и интерпретации потревоженных погребений выходит сравнительно мало[4]. Отметим лишь некоторые из работ, в которых отмечаются проблемы атрибуции таких захоронений.

Работа О.В. Зайцевой является важным вкладом в методику изучения нарушенных погребений. Она также видит выход из сложной ситуации в определении нарушенных погребений путем изменения принятых методов полевых исследований за счет привлечения возможностей естественных наук и интеграции методов археологии, полевой антропологии, судебно-медицинской экспертизы и тафономии[4].

На основании материалов Маяцкого могильника В.С. Флёровым рассмотрена проблема интерпретации разрушенных погребений. По мнению автора «назрела необходимость подхода к изучению ограбленных погребений как к любому археологическому источнику». Исследователь поднял вопрос о методике раскопок нарушенных погребений[7].

Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин, А.А. Тишкин при исследовании погребального обряда населения елунинской культуры обращаются к проблеме интерпретации нарушенных погребений. Авторы считают, что сложно отличить ограбленные или оскверненные погребения от так называемых вторичных захоронений, так как в

обоих случаях археологически фиксируемые следы таких действий часто совпадают. В связи с этим предлагается выделять диагностирующие признаки «вторичных» захоронений[5, с.70].

Васильев Ю.М. также справедливо замечает, что не всегда потревоженные в той или иной степени погребения поддаются четкому диагностированию: является ли это преднамеренным ограблением, случайным разрушением, или это следствие проникновения в них грызунов[1].

Зоогенный фактор в объяснении повреждения захоронения, без преувеличения, стоит на третьем месте после ограбления и ритуального осквернения. Однако в научных публикациях очень редко отмечаются следы деятельности землеройных животных на погребальных памятниках. Чаще в статьях и отчетах а priori встречается подобная формулировка: «погребение потревожено грызунами».

Необходимость более детально рассмотреть следы этого воздействия возникла при раскопках на некрополе Абалакского монастыря[3]. В 2007 году на территории монастыря начались полномасштабные ремонтно-реставрационные работы. Одним из объектов комплекса, подлежащим реставрации, являлся храм преподобной Марии Египетской (1752-1759 гг.).

Первые стратиграфические наблюдения в вырытых внутри траншеях выявили присутствие раннего православного кладбища, которое предварительно можно датировать 1 пол. XVII- 1 пол. XVIII вв. При осмотре южной стенки траншеи 2 обнаружена частично разрушенная погребальная колода, которую «разрезали» вдоль при копании. Длина ее составила 194 см, высота – 24 см. Глубина нахождения - 75 см от уровня современного пола. Внутри нее, по всей её длине, просматривалось скопление зерна. Особо уплотненная масса концентрировалась в западной части колоды (в изголовье).

Характерно то, что зерно оказалась в погребении до того, как крышка успела сгнить и просесть под тяжестью грунта. Это хорошо фиксируется в профиле погребения. При осмотре заполнения сохранившейся части колоды костных останков не обнаружено. По всей видимости, при земляных работах они были выброшены в отвал рабочими.

Присутствие зерен культурных растений в слое фиксировалось на глубине 37-80 см от уровня современного пола. Включения также наблюдались в могильных насыпях, насыщенных остатками истлевшего дерева, и в плотном желтоватом суглинке-материке. Под западным краем колоды, в материке, находилась округлая нора (D-10 см), плотно забитая вышелушенным отборным зерном.



Рис. 1. Скопление зерна внутри погребальной колоды и под её западной частью.

В общем, в ходе наблюдений за культурным слоем в траншее 2 осмотрено 5 включений, заполненных зерном. Из них 3 можно с уверенностью идентифицировать как кладовые камеры.

При осмотре почвенных разрезов был поставлен вопрос о том, какой вид грызунов мог оставить после себя многочисленные кладовые. При анализе мы исходили из видового разнообразия грызунов, обитающих на территории Западной Сибири. По характеру устройства нор, ареалу обитания, наиболее вероятный, на наш взгляд, кандидат – *Cricetus cricetus* L. (1758) (Обыкновенный хомяк).

Ареал обитания вида в Зауралье охватывает, в том числе и южную часть Тобольского района. Вид не боится близости человека, селясь в садах, на огородах и даже в жилых постройках. Роет глубокие, до 2, 5 м, сложные норы. Кроме жилых камер имеется ряд кладовых для запасов, которые использует во время зимней спячки [2, с. 199-201]. В классификации В.В. Кучерука, несколько измененной и дополненной Н.Н. Харченко такой тип нор носит наименование «зимовочные норы зимоспящих видов» [8, с. 72-84].

Питается зверёк как вегетативными, так и подземными частями растений, к осени переходит на питание семенами и клубнями, которые и запасает на зиму в весьма значительных количествах – до 10 и даже 16 кг. К примеру, в его запасах находили: вышелушенное отборное, горох, просо, гречу, люпин, кукурузу, картофель. Не брезгует и животной пищей [2, с. 200].

При трактовке обряда рассматривалась также гипотеза о присутствии на некрополе кенотафного погребения, то есть не содержащего человеческих останков, вместо которых в могиле могли присутствовать личные вещи покойного, или, например, зерно.

Если придерживаться данной версии, то погребение выглядит совершенным не по православному обряду (помещение зерна!), хотя ориентировка колоды совпадает с традиционной. При исследовании других захоронений в церкви преподобной Марии Египетской признаков помещения зерна в гроб не встречено.

Архаичный пласт верований, сохранившийся в среде старообрядческого населения, и касающийся погребально-поминального обряда действительно подтверждает возможность помещения в гроб зерна.

Но традиция засыпания зерном гроба происходит еще при жизни ее владельца, который заранее готовит «смертное». Его полагается заменять каждый год зерном нового урожая, а прошлогоднее – раздавать нищим. Если семейный достаток не позволял соблюсти этот обычай, то гроб заполнялся стружками или сухими листьями. Главное, чтобы гроб не оставался пустым – иначе он «покойника к себе тянет» [6, с. 63-64].

Этнографические материалы показывают, что иногда перед помещением в могильную яму покойный мог осыпаться зерном. Однако трудно представить, чтобы покойного засыпали в колоде зерном полностью.

Также трудно представить, чтобы грызуны вытащили из заранее наполненной колоды все зерно, спрятали его в кладовых норах вокруг последней, а зерно в колоде не убывало. Визуально количество зерна в могильной насыпи и в норах примерно равно количеству зерна в самой колоде, что позволяет сделать вывод о том, что последняя являлась своеобразной кладовой камерой.

На основании присутствия таких диагностирующих признаков как: наличие ходов, нор, заполненных зерном и непосредственно связанных с погребением; присутствие крупных скоплений зерна, в том числе внутри колоды, а также включение

данной территории в ареал обитания *Cricetus cricetus*, нами был сделан вывод о влиянии последнего на повреждение погребения, а, следовательно, о зоогенном характере этого повреждения.

Таким образом, при изучении подобных нарушенных погребений крайне важно фиксировать следы деятельности землеройных животных, а также с максимальной подробностью их описывать. Также не следует забывать и о зоогенном факторе при интерпретации обряда погребения.

Список использованной литературы:

1. Васильев Ю.М. Двухактные погребения в археологии// Современные проблемы археологии. Материалы Всероссийского археологического съезда. – Новосибирск, 2006. – т. II. – С. 400-402.
2. Виноградов Б.С., Громыко И.М. Грызуны фауны СССР. – М.- Л. Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 298 с.
3. Загваздин Е.П. Отчёт по результатам археологических исследований, проведённых на территории Абалакского монастыря. – Тобольск, 2010. – 78 с.// Архив НПО Сохранение археологического наследия народов Сибири. –№ От 2/2010.
4. Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью: методика исследования и возможности интерпретации. Диссертация канд. ист. наук.– Томск: Изд-во ТГУ, 2005. –278 с.
5. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз - I). – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003.– 333 с.
6. Новиков Ю.А. По заветам старины. Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы.– СПб.: Изд-во Тропа Троянова, 2005. – 294с.
7. Флёров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII веков: обряд обезвреживания погребённых. Труды Клин-Ярской экспедиции. Т. I. – М.: Изд-во Полимеда, 2000. –164 с.
8. Харченко Н.Н. Норы зверей, их строение, функции, типология// «Вестник Московского государственного университета леса — Лесной вестник». – М.: Изд-во МГУЛ.– № 2. – 2002.– С. 72-84.

©Е.П. Загваздин, 2014

УДК 94(47)

В.В. Маленков

Проректор по международному сотрудничеству
Южно-Сахалинский институт экономики, права и информатики
г. Южно-Сахалинск, Российская Федерация

АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В 1920-1930-е гг.

В процессе построения социалистического общества советское государство особое внимание обращало на процесс формирования коммунистического мировоззрения, составной частью которого являлся атеизм.